

УДК 2(47)(091)

Мотивы прозелитизма в межконфессиональных отношениях во второй половине XIX в. в России

Т. Я. Янгель, Г. В. Оглезнева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В работе рассматривается практика прозелитизма через призму мотивации перехода из одной религии в другую в условиях поликонфессионального российского общества.

Ключевые слова: религиозная практика, Русская православная церковь, прозелитизм, миссионерская деятельность, поликонфессиональность.

Само понятие «прозелитизм» по своему общему смысловому содержанию означает переход из одной религии или даже вероисповедания в другие. В современных межконфессиональных отношениях трактовка этого понятия несколько расширилась и может применяться для характеристики деятельности конфессиональных организаций, направленной на расширение численности и состава религиозного сообщества. Анализ мотивов прозелитизма в межконфессиональных отношениях во второй половине XIX в. важен для понимания духовных исканий русского общества в период перехода от традиционного общества к модернизированному. В это время, особенно в годы царствования Александра III, активизировалась миссионерская деятельность, что вызывало общественный резонанс и актуализировало проблему свободы вероисповедания. Появление немногочисленных, но заметных примеров перехода из православия в протестантизм и католичество свидетельствовало об оппозиционности части общества и РПЦ. Изучение мотивов прозелитизма помогает углубить понимание межконфессиональных отношений в России во второй половине XIX в.

Конкурентная среда поликонфессионального общества способствует применению разнообразных средств и способов целенаправленной работы по вовлечению новых последователей в религиозное объединение. Немаловажное значение в практике прозелитизма имеет выбор арсенала средств воздействия для формирования мотива перехода в иную конфессиональную организацию. Условно разделим их на гуманные и средства воздействия принудительного характера, построенные на обмане, унижении чести и достоинства по отношению к другим религиозным деноминациям, шантаже. Гуманный

или, иначе говоря, цивилизованный путь разрешения вопроса о принадлежности к определенной конфессиональной группе предоставляется самому человеку в соответствии с принципом свободного волеизъявления. Русский мыслитель и богослов начала XX в. С. Н. Булгаков писал: «Вера станет очевидно, подобной необходимости природной, на долю свободы останется лишь хотеть Бога или не хотеть, любить Его или враждовать к Нему» [2, с. 31].

Особенностью религиозной жизни второй половины XIX в. было активное стремление Русской православной церкви обратить иноверцев в православие, и это служило интересам государства, общества и в значительной степени самой личности. Сложившаяся практика решения межконфессиональных вопросов заключалась в том, что все случаи изменения конфессиональной принадлежности были предметом пристального внимания со стороны Духовной консистории. Если обращение о разрешении исповедовать иную (неправославную) веру положительным образом не решалось на месте, то материалы направлялись в Святейший правительствующий синод.

Мотивы прозелитизма в определенной степени формировались под влиянием правительственной политики и социальной среды. Власть способствовала миссионерской деятельности православной церкви в иноконфессиональной, прежде всего языческой, среде, и прозелитизм нередко был результатом такой совместной деятельности. В то же время, как известно, в России до 1905 г. не признавалась свобода вероисповедания, «отпадение от православия» преследовалось по закону, следовательно, нужна была значимая индивидуальная мотивация для реализации принципа свободы совести. В этом случае важное значение имела степень зависимости прозелита от социальной среды, роль социальной солидарности в его жизни.

Процесс массового обращения иноверцев в православие многократно анализировался, но в рамках обозначенной темы важно акцентировать внимание на значимости тех или иных мотивов прозелитизма. Сами миссионеры, исходя из своих наблюдений за иноверцами, выделяли различные факторы формирования мотивов прозелитизма. Для бурят-шаманистов Восточной Сибири такими значимыми факторами могли служить как правительственные меры (распространение школ с общежитиями, оказание материальной помощи нуждающимся инородцам, бесплатная врачебная помощь и т. д.), так и воздействие на инородцев через их социальную организацию. В этом случае важнее всего было обращение в христианство тайшей, так как если «как тайши, так и прочие власти не крещены, при такой обстановке простым инородцам опасно принимать крещение» [13, л. 36(об.)]. Для крещения тайшей требовался индивидуальный подход, предполагающий оказание почестей. Упрочение христианства связывали с тем, сколько христиан среди инородцев – «нужна примерно половина» [14, л. 114]. Важным считали и украшение храмов, чтобы «неотразимо действовали на инородцев» [14, л. 113].

Мотивы перехода из одной религиозной веры в другую могли носить и исключительно материальный характер, иметь прагматический расчет. Так, инородцев большей частью привлекала торжественность самого акта крещения, подарки, денежная награда, спасение от угрожающих за проступки нака-

заний [16, с. 21]. Сама по себе перемена веры в данном случае не имеет самостоятельного значения, а является лишь способом качественно изменить жизнь. Использование понятия «новокрещеный» по отношению к тем, кто переходил из одного религиозного сообщества в другое, уже свидетельствует о том, что человек возрождается к новой жизни. Например, в 1868 г. епископ Иркутский Вениамин писал об опыте христианизации в Забайкалье: «Если местное население, обращаясь к православию, переходило и к “оседлому подворью”, то возникали так называемые селения ясачных “инородцев”. К концу 60-х гг. таких крещеных “инородцев” за Байкалом насчитывалось более 12 тыс.» [8, с. 24, 25]. Переход из язычества в православие сопровождался изменением социального статуса, хозяйственного уклада, отношения к власти.

Решение о переходе в православную веру принималось под влиянием не только политических, общественных, коллективных интересов, но и субъективного фактора, связанного с личностью миссионера, который мог в доступной для понимания форме рассказать о канонах христианской веры и о тех переменах, которые «могут случиться в жизни новообращенных». Прозелинизм – достаточно значимая сфера религиозной жизни, и иерархи РПЦ отчетливо понимали, что активным фигурантом ее успешной деятельности является миссионер.

От результатов миссионерского дела зависела судьба православия на востоке империи и в известной мере сила государственной власти. В специальной инструкции Священного синода говорилось о том, что проповедник может только учить, увещевать, напоминать, но ни в коем случае не прибегать к угрозе, принуждению, злочестию [16, с. 6]. Нравственная задача, которую ставили патриархи церкви перед миссионерами, сводилась к тому, чтобы «приводить инородцев к святому крещению без тщеславия и гордости, без оскорбления, с опасением, как бы иными словами не отдалить строптивых от вступления в лоно Церкви» [16, с. 1].

Мотивы изменения своей конфессиональной принадлежности определялись и сферой семейно-брачных отношений. Случалось так, что брачующиеся принадлежали к разным религиозным сообществам, тогда совместное проживание побуждало одну или другую сторону сменить вероисповедание. Показателен в этом смысле указ императора и Синода от 11 мая 1891 г., в котором говорилось о порядке заключения браков между православными и католиками. Венчание должно было проходить «по православному чину», ксендз римско-католической церкви должен был выдать вступающему в брак выписку из метрической книги о крещении. Однако, по сообщениям Министерства внутренних дел, католическое духовенство стало уклоняться от выдачи документов, и по этой причине многие браки не были заключены [4, л. 37–38]. Католическая церковь сопротивлялась выполнению выдвинутых со стороны РПЦ условий, так как они ущемляли права католиков и, тем самым, препятствовала созданию православно-католических семейно-брачных союзов.

Православная церковь освящала союз мужчины и женщины, как правило, одного вероисповедания. Если же кто-то из супругов менял вероисповедание, например принимал крещение, то давал подписку о сохранении семейно-

брачных отношений. Таким образом, конфессиональный фактор мог стать как основой для сохранения семьи, так и причиной ее распада. Так, в г. Киренске Иркутской губернии в 1897 г. Давид Александрович Шерман, находясь на поселении, принял православие, а его жена оставалась в иудействе. При крещении супруг дал подписку о сохранении брака, но при условии, что будет содействовать переходу жены из иудейства в православие и рожденные дети примут ту же веру. Подобная ситуация возникла и в семье Ильи и Рахили Глятер, где православие приняла жена. Когда стало ясно, что муж-иудей не отступит от своей веры, подписку о сохранении брака потребовали вернуть, и до рассмотрения в Синоде «епархиальное начальство настаивало на крещении детей» [5, л. 8, 9, 19, 39].

Ситуативная мотивация прозелитизма не могла быть устойчивой. Порой, приняв православную веру в годы тюрьмы и ссылки, новообращенные пытались вернуться к своим духовным традициям, несмотря на уголовное преследование со стороны властей. Так, в 1900 г. Иркутская духовная консистория рассматривала «дело об отступлении от православия ссыльного поселенца Василия Демьянова в магометанстве и совращении в ту же веру своей жены и двоих сыновей». Выходец из «старокрещеных татар» Василий Демьянов, отбыв наказание за совершенное преступление, был сослан в селение Усольское Тельминской волости Иркутского уезда. Присоединившиеся к нему члены семьи отказались следовать православным обрядам со словами: «Хоть головы нам отрубите, а от своей магометанской веры мы никогда не отступимся» [6, л. 2, 3]. Пребывание в православии для В. Демьянова оказалось делом временным, поскольку, принужденный принять православие, находясь на каторге, он не стал мириться с этим, выйдя в ссылку. Давлением и принуждением в такой деликатной сфере, как вера, можно было добиться только временных результатов.

Важной стороной деятельности Русской православной церкви во второй половине XIX в. было предотвращение «отпадения от православия». Еще М. П. Погодин, сторонник теории официальной народности, опасался, что при допущении религиозной свободы «половина православных крестьян отпадет в раскол, а половина высшего общества перейдет в католичество» [цит. по: 16, с. 325]. Прогноз Погодина оказался ошибочным: не только никакого массового отхода от православия в результате разрешения свободы вероисповеданий не случилось, но и высшее общество заинтересовалось не католичеством, а протестантизмом.

В 1874 г. в Петербург по приглашению русских аристократов приехал Г. Редсток, известный своими проповедями в Англии и Швейцарии. Его идеи нашли отклик в России, и постепенно стало формироваться течение евангельских христиан. Среди его последователей первоначально были представители высшего общества – отставной полковник и меценат В. А. Пашков, М. М. Корф, Ю. Д. Засецкая, княгиня В. Ф. Гагарина, графиня Е. И. Шувалова и др. Это явление изучалось современниками и, благодаря книге Н. С. Лескова, вошло в историю как «великосветский раскол».

Существует немало суждений о мотивах прозелитизма в аристократической среде. Сам Н. С. Лесков, хорошо знакомый с Редстоком и Пашковым, считал, что «добрые и несомненно благонамеренные русские люди, разочарованные в участливости своего духовенства, искали в протестантской приходской жизни примера» [9, с. 274]. Государственный секретарь А. А. Половцев в своем дневнике, характеризуя В. Ф. Гагарину, так определял ее мотивы: «...не удовлетворяясь формами православия со свойственными ему преувеличениями в обрядной, внешней стороне и недостаточностью нравственного содержания как в самих правилах церкви, так в особенности в личностях ее представителей, В. Ф. всецело отдалась учению, инициатором которого в России был... лорд Редсток» [12, с. 352]. Ф. М. Достоевский полагал, что причина успеха идей Редстока – «плачевное наше обособление, наше неведение народа, наш разрыв с национальностью, а во главе всего – слабое, ничтожное понятие о православии» [7, с. 10]. Эти суждения не противоречат друг другу, акцентируя те или иные мотивы прозелитизма.

Вместе с тем течение редстокистов, и особенно, пашковцев, не ограничилось аристократической средой, а постепенно проникло в достаточно широкие демократические слои. С одной стороны, это было результатом активной и умелой пропаганды: многолюдные обеды и собрания в доме Пашкова в Петербурге, на которых присутствовали представители как высшего общества, так и горожане, рабочие и даже крестьяне; издание брошюр и журнала «Русский рабочий» (1875–1886 гг.); деятельность «Общества поощрения духовно-нравственных чтений» и благотворительная деятельность пашковцев. С другой стороны, трактовка христианских идеалов не отдаляла от православия рабочих и крестьян, плохо знакомых с вероучением, а давала им возможность реализовать их в жизни. Для многих верующих это было альтернативой распространявшему в это время атеизму. В то же время последователи Пашкова отказывались от посещения церкви и исполнения обрядов, что имело характер демонстрации в аристократической среде, но не было из ряда вон выходящим явлением среди рядовых горожан или, например, сибирских крестьян, обрядовое поведение которых вызывало многочисленные нарекания духовенства. При этом редкое посещение служб, неисполнение долга исповеди и причастия сибиряками не являлось свидетельством их разрыва с православной церковью.

Примеры «отпадения от православия» в Сибири были немногочисленны, и тем интереснее попытаться выявить мотивы прозелитизма группы крестьян села Котинского Иркутской губернии, ставших духоборами в начале 1860-х гг. В имеющихся работах [1; 10 и др.] этот вопрос не рассматривается по причине отсутствия источников. Однако материалы, собранные у духоборов этого села М. В. Муратовым в начале 1920-х гг., позволяют выдвинуть предположения о мотивах прозелитизма. Исходным толчком была пропаганда временно находившихся в селе ссыльных духоборов, которая оказалась результативной, потому что упала на благодатную почву. Первым духобором стал Николай Щекин, который до этого был ревностным православным. Он «очень хотел знать писание, и каждый раз, когда в село приходил грамотный нищий, он зазывал его, кормил и просил читать вслух псалтирь и Евангелие» [10, с. 11]. Это от-

лично Н. Щекина от большинства сибиряков, которые при малом интересе к вопросам отвлеченного характера «не допускают и рассуждений о преимуществе верований» [15, л. 57]. Влияние проповеди усиливалось тем, что она исходила от людей, страдающих за свои религиозные убеждения, что подтверждало их значимость и ценность для христианина. Благодаря личным качествам Н. Щекин стал «главным организатором секты в Котах, повел энергично проповедь и склонил на свою сторону жену, трех своих дочерей и пять крестяны» [10, с. 7]. В дальнейшем число последователей выросло и в 1888 г. достигало 43 человек [1, с. 53]. До 1920-х гг. они оставались достаточно устойчивой, хотя и немногочисленной группой. Очевидно, что принципы коллективизма играли здесь значительную роль.

Как правило, индивидуальным и достаточно редким явлением был переход в католичество. Наиболее ярким примером может служить Елизавета Григорьевна Волконская (1838–1897), невестка декабриста С. Г. Волконского. Ее детские и юношеские годы прошли в Риме, и значительное влияние на формирование ее мировоззрения оказала З. А. Волконская, принявшая католичество ранее. Однако сама Е. Г. Волконская перешла в католичество в 1887 г., уже в зрелом возрасте, так что нельзя считать основной причиной внешнее воздействие. Свои мотивы она обосновала в двух книгах, опубликованных в Германии в 1887 и 1898 гг. без указания имени автора. В них Е. Г. Волконская стремилась «показать, насколько искусственна та пропасть, которая, по мнению русских богословов, разделяет Римскую церковь и церкви Восточные» [цит. по: 3, с. 132]. Из этого видно, что взгляды Е. Г. Волконской близки идеям В. С. Соловьева: Россия «должна, чтобы действительно выполнить свою миссию, всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви Христовой» [16, с. 321–322]. Следует отметить, что мотивы прозелитизма Волконской были именно индивидуальными – ни муж, ни взрослые дети не последовали ее примеру. Она готова была понести наказания, предусмотренные законом, однако ее оградила позиция императора Александра III, который, узнав о ее переходе в католичество, сказал: «А для меня она все-таки останется православной» [3, с. 120].

Практика прозелитизма во второй половине XIX в. в России представляется весьма разнообразной, затрагивающей в той или иной степени все слои населения и практически все регионы страны. Она имела как поверхностное, так и глубинное, большей частью идейное, проявление. При всем разнообразии и переплетении мотивов перехода из одной религии в другую значимым было внешнее воздействие – деятельность миссионеров, проповедников, иногда принудительные меры или ситуативные обстоятельства. Важную роль играл и социальный фактор, потребность в приобщении к большинству или руководящему меньшинству социума. В то же время обращение к иной вере всегда было сопряжено с духовным поиском, внутренними переживаниями, нравственными устремлениями, условиями жизни.

Однако укоренившееся религиозное мировоззрение, культовая практика, обряды, культурные традиции – явления многоуровневые и многоаспектные, и отказаться от них, приняв только крещение, достаточно сложно. Православная церковь, используя свое положение государственной религии, а следовательно, религии большинства, рассматривала вопросы межконфессиональных отношений в своих интересах.

Список литературы

1. *Астырев Н. М.* В гостях у духоборов Иркутской губернии / Н. М. Астырев // Северный вестник. – 1891. – № 4. – С. 52–65.
2. *Булгаков С. Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – М. : Республика, 1994. – 415 с.
3. *Волконский С. М.* Мои воспоминания. Т. 2 / С. М. Волконский. – М. : Искусство, 1992. – 338 с.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 10888.
5. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11333.
6. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11357.
7. *Достоевский Ф. М.* Миражи. Штунда и редстокисты / Ф. М. Достоевский // Полн. собр. соч. Т. 25. – Л. : Наука, 1990. – С. 9–12.
8. Забайкальская духовная миссия в 1867 году. – М. : Унив. тип. на Страстном бульваре, 1868. – 47 с.
9. *Лесков Н. С.* Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе / Н. С. Лесков. – СПб. : [б. и.], 1877. – 394 с.
10. *Муратов М. В.* Духоборцы Иркутской губернии / М. В. Муратов. – Иркутск : [б. и.], 1923. – 39 с.
11. *Половцев А. А.* Дневник Государственного секретаря. Т. 2 / А. А. Половцев. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. – 639 с.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 173.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1668.
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1281.
15. *Соловьев В. С.* Русская идея / В. С. Соловьев // Россия глазами русского. Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. – СПб. : Наука, 1991. – С. 311–339.
16. *Ухтомский Э. Э.* О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье / Э. Э. Ухтомский. – СПб. : Синод. тип., 1892. – 48 с.

Proselytism Motives of Interfaith Relations in Russia in the Second Half of the XIX Century

T. Ya. Yangel, G. V. Oglezneva

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Proselytism practice through the prism of motivation of religious switching in terms of multi-religious society of Russia is considered.

Keywords: religious practice, the Russian Orthodox Church, proselytism, missionary work, multi-religious.

Янгель Татьяна Яковлевна

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра мировой истории
и международных отношений,
исторический факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)241974
e-mail: yangelt@gmail.com*

Yangel Tatyana Yakovlevna

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of World History and
International Relations, Faculty of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)241974
e-mail: dean@hist.isu.ru*

Оглезнева Галина Васильевна

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России, исторический
факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)240522
e-mail: gogl@mail.ru*

Oglezneva Galina Vasilyevna

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of History of Russia,
Faculty of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)240522,
e-mail: gogl@mail.ru*